

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕРАВЕНСТВА, СОБСТВЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Государство, возникшее в глубокой древности и ставшее в процессе развития человечества основной, универсальной социально-политической организацией, является сложным регулирующим механизмом, функции которого переплетаются с многочисленными общественными структурами. Нередко оно вступает в противоречия с этими структурами. Определение рамок государственных компетенций можно вывести из истории государствообразования, в процессе которого изначальные социальные образования первобытных сообществ постепенно вытеснялись новыми, возвышавшимися над ними формами. В статье рассматриваются общие истоки этих новых для родового строя структур, основные причины их появления, этапы консолидации и превращения в императивные, обладающие средствами принуждения учреждения. Также подчеркивается, что социальное неравенство существовало в обществе извечно.

Государство – системообразующая структура, имеющая особые полномочия, или: “набор учреждений, созданный для того, чтобы обеспечивать функционирование общества...” [1, с. 57]. Существует множество определений государства, что, как справедливо заметил голландский исследователь Х.Дж.М. Классен, связано с идеологическими воззрениями¹. Сам он, стараясь быть нейтральным, назвал государство особым видом социальной организации, выражающим специфический тип общественного строя. Оно является отражением социальных, экономических и политических отношений, существующих в данном обществе, и идей, касающихся силы, власти, принуждения, правосудия и собственности [2, с. 72]. Но в стремлении максимального обобщения автор создал, по сути, оболочку, которую можно наполнять содержанием, исходя как из конкретного материала, так и из субъективных представлений. Вспоминается восходящая к Ф. Энгельсу формула государства (в современном изложении): “наличие регулярного, формального административного аппарата, искусственного территориального деления или регулярной системы налогообложения” [3, с. 255-266]. Но, как будет показано далее, это более конкретное определение тоже неточно, или, мягче говоря, неполно. То же относится к близкому определению современного американского социального антрополога Л. Карнейро, подразумевающего под государством “автономную политическую единицу, включающую многие общины в рамках своей территории и имеющую централизованное правительство с

* Выпускник исторического факультета 1969 г.

¹ Уже в 1931 г. их насчитывалось более 145 [5, с. 388].

полномочиями сбора налогов, призыва людей на работу или войну, а также издания и исполнения законов” [4, с. 55]. Показательно, что во вводной статье к сборнику, посвященному путям перехода к цивилизации, строгое определение государства отсутствует [6]. Немецкий историк Р. Гюнтер полагал, что государство есть исторически меняющаяся форма организации власти. Арабист А.О. Большаков заметил, в противоположность Энгельсу, что под государственным образованием не обязательно понимать такое, в котором сформировались аппарат подавления и система налогообложения [7, с. 18]. Рассматривая понятие государства, А.Д. Захаров обратил внимание на то, что при всех его формах и вариантах должны существовать неизменные основы, иначе нельзя вести речь об одном, хотя и меняющемся явлении [7, с. 7]. И далее он оттачивает данный вывод разбором концепции В.А. Яковсона, распространенной среди российских востоковедов в 90-е гг. прошлого века. Яковсон определяет государство как институт, возникавший на определенной ступени усложнения общества, когда становится необходимым появление особых специалистов и начинается переход от обычая к закону [8, с. 6-7]. В принципе это логично. Но, поскольку исследователь имеет в виду самые ранние государства Месопотамии, Захаров отмечает известную недостаточность исходных данных о той эпохе [7, с. 9]. В целом концепция Яковсона признается внутренне несогласованной [7, с. 12]. Разбирая далее подходы некоторых других российских востоковедов, Захаров приходит к выводу об их нечеткости, прежде всего терминологической, и, отсюда, неполном соответствии рассматриваемым реалиям [7, с. 19]. Своего же представления о государстве Захаров при этом не формулирует.

Приведенная полемика – лишь малая часть современных дискуссий о государствообразовании. Следовательно, необходимо внимательнее отнестись к самой категории *государство*, учитывая присущие гуманитариям вольности в понятийном аппарате. Впрочем, отмеченная нечеткость понятия *государства* отражает сложность самого явления, размытость его границ в соотношении с другими близкими формами общественной организации. На это обратил внимание социолог Л.Е. Гринин, подчеркнув необходимость учитывать динамику становления государственности [9, с. 127]. Для раннего государства, по мнению исследователя, наличие достаточно оформленного и специализированного аппарата управления вообще не является обязательным. При этом отличие раннего государства от негосударственных форм политической организации состоит “в росте значения верховной власти и в большей ее способности перестраивать традиционную структуру общества; в появлении или закреплении новых способов формирования управленческих кадров и новых способов управления обществом и контроле за ним; а также в большей формализации политических и управленческих решений...” [9, с. 126; 10]. Отсюда и более общее определение Гринина: государство обычно понимается как “...достаточно устойчивая политическая единица, представляющая отделенную от населения организацию власти и администрирования и претендующая на верховное право управлять (требовать выполнения действий) определенными территорией и населением вне зависимости от согласия последнего; и имеющая силы и средства для осуществления своих претензий” [10, с. 29]. Выделенное в цитате слово *претендующая* как бы подчеркивает динамику процесса возникновения государства и, в конце концов, сложность определения времени его появления. Очевидно, в разных конкретных условиях эти начальные признаки не будут одинаковыми.

Более того, уже цитированные авторы обращают внимание на то, что современные знания об архаических обществах свидетельствуют о необязательности сведения их *политогенеза* исключительно к возникновению государственности. Политическая эволюция приводила и к другим формам (моделям) общественной организации. В современной политической антропологии появились представления о нелинейности человеческой истории в ее движении от плохого к хорошему, то есть о необязательности прогресса, ибо в разных культурах добро и зло понимается по-разному. Отсюда – критериев социального прогресса не существует, вернее, они субъективны² [6, с. 25-29, 75; 11, с. 5-10; 12, с. 27]. Иными словами, исторический *процесс* не обязательно является синонимом развития общечеловеческого *прогресса*, что подтверждается многими историческими примерами, в том числе упадком и исчезновением государств, народов и даже цивилизаций. Отсюда – признание неоднoliniности социальной эволюции. Другое дело, что иные (негосударственные, альтернативные) модели в большинстве своем или уничтожались, или поглощались государствами, или сами трансформировались в таковые, отчего создание государственности следует признать основным направлением политогенеза, а альтернативные пути – *боковыми*.

Тем не менее, сосуществование таких моделей параллельно с государствами и сопоставимыми им по функциям и структурам формами позволяет исследователям выделять их как *аналогов раннего государства*. Имеются в виду общества с развитой торговлей, наличием частной собственности и имущественного неравенства, сложными религиозными культурами и т.д., но без административно-политических структур [10, с. 28-29; 13]. Отсутствие последних заменялось, очевидно, нормами коллективной ментальности, скреплявшими и дисциплинировавшими своим авторитетом соответствующие сообщества. Но, очевидно, такая организация могла существовать лишь в определенном вакууме, изоляции от других сообществ. Ибо соприкосновение с последними требовало уже более четкой, обычно военной, организации, что нарушало шаткое равновесие традиционного поведения. Потому такие общества оказались в историческом процессе неустойчивыми и даже тупиковыми ответвлениями в политической эволюции. В современной русскоязычной литературе их называют *вождествами*³.

Подводя итог анализу форм и путей политогенеза, Гринин сформулировал общее представление о государстве как категории, “с помощью которой описывается система специальных (специализированных) институтов, органов и правил, обеспечивающая внешнюю и внутреннюю политическую жизнь общества; <...> отделенная от населения организация власти, управления и обеспечения порядка” со “следующими характеристиками: а) суверенностью; б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) возможностью принуждать к выполнению своих требований, а также изменять отношения и нормы” [14, с. 523].

Здесь хотелось бы особо обратить внимание на последнюю мысль пункта “в” – возможность *изменять* нормы данного общества. Представляется, именно эта возможность окончательно отрывает описываемую организацию от негосудар-

² Неизбежно субъективны [15, р. 420].

³ “Неуклюжая калька с англ. chifdom, но другого в русском языке нет, и некоторые просто пишут *чифдом*” [8, с. 82]. Предложил это название в 1955 г. американский этнолог К. Оберг, отнеся его к форме политической организации, предшествовавшей образованию государств. Употребил его без перевода, как кальку с английского Л.С. Васильев [16, с. 88; 17, с. 153].

ственных, спаянных, как отмечалось выше, добровольно исполняемых традиционных, ментальных норм, обязательных, в силу их укорененности, и для рядового населения, и для верхов. Иными словами, “скрепой” негосударственной формы, как и в первобытности, должен быть общественный консенсус⁴. Возможность его нарушения и есть переход к той форме, которую и называют государственной. Отсюда – прав Якобсон – “наличие государства констатируется наличием законов” [8, с. 91].

Учитывая, что в исторических реалиях переходные формы формируются не только медленно, но и неотчетливо, Гринин, вслед за Классеном и П. Скальником, применяет категорию *раннего государства*, в котором рассмотренные признаки обнаруживаются не в полной мере, и относит к ним, в том числе, даже Европу XI – XIII вв., как Западную, так и Древнюю Русь, где огромные области с легкостью меняли властителей “при браках и разводах правителей, по смерти короля и обретении наследника” [14, с. 527-531; 17].

Сложившееся (развитое, зрелое) государство может стоять над обществом, управляя им (авторитарные государства), или быть встроенным в общество в качестве организующего учреждения (демократические государства). В первом случае государство воспринимается его населением как явление высшего, сакрального порядка (в духе древнекитайских *легистов*⁵). Во втором – как рабочий орган гражданского общества⁶. Разнообразие форм и типов государственной организации складывалось исторически. В целом, появлением тех форм социальной организации, которые затем были названы государственными, заканчивается первобытность и начинается эпоха цивилизаций⁷.

В рамках рассматриваемой темы обратимся к сложившимся ныне общим представлениям о политической эволюции позднепервобытных обществ в потестарные и раннегосударственные. Прежде всего – о власти как основе любой организации. Как справедливо заметили Х.М. Думанов и Я.С. Смирнова, новейшие данные этнологии “показали существование власти и, шире, системы доминирования не только в человеческих обществах, но и в зоологических сообществах” [18, с. 33-34]. Но, вслед за указанными авторами, “не будем рассматривать здесь эту философскую проблему”. Заметим только, что она прямо связана и с более общей – наличием *неравенства*, которое в человеческом обществе также было всегда, ибо заложено в биологических законах существования животного мира. Соответственно, раз оно есть, то для упорядоченного существования в самых примитивных сообществах возникает иерархия, то есть *власть*⁸. Термин *потестарное общество* в 70-е гг. прошлого века использовали Ю.В. Бромлей, а вслед за ним Л.Е. Куббель для обозначения наличия власти в

⁴ Эта функция власти, организующая и консолидирующая, была основана еще на первобытных традициях, ранее выполнявшаяся потестарной организацией [17, с. 157].

⁵ Легизм – возникшее в III в. до н.э. учение о примате государственной силы, закона и наказания. Легисты утверждали, что государство – это хозяин, деспот. Ему, во имя обеспечения порядка все подчинены. В образцовом государстве власть правителя опирается на силу и никаким законом не связана [19, с. 291-294; 20, с. 86, 110-120]. Здесь прослеживается явное сходство с позднепервобытными, потестарными обществами.

⁶ В соответствии с разработанной в XVII – XVIII вв. теорией общественного договора Г. Гроция, Т. Гобса, французских просветителей.

⁷ Подробно о теоретических проблемах становления государственности и их изучении в современной политической антропологии см.: [14; 21; 22].

⁸ Даже в стаде (стае) есть вождь. Представление о первобытном равенстве – “очень серьезное заблуждение, от которого давно пришло время отказаться. Неравенство всегда существовало в истории человеческого общества” [22, с. 25-26].

первобытности⁹. Однако социальная иерархия и основанная на ней власть, по сути, и создавала человеческие сообщества. И эта власть формировалась обычаями, основывалась на них.

Обратимся к общему развитию процесса. Формирование вождеств началось около 7 тыс. лет назад. Примерно 5 тыс. лет назад вследствие внутреннего развития и конфликтов между ними возникают первые государства [23, с. 446]. При этом вождество, по мнению сформулировавшего это понятие К. Оберга, являлось формой политики¹⁰, промежуточной между автономными поселениями и государствами, и было выделено на материалах Центральной и Южной Америки, хотя вполне подходило, по мнению Карнейро, к другим народам и территориям. Затем другой американский исследователь, Э.Р. Сервис, рассмотрел вождество в предложенной эволюционной схеме между племенем и государством [16, с. 87-89]. По сути, то, что назвал Оберг вождествами – племенные единицы с местными вождями, имеющими судебную и военную власть, подчиненными верховному вождю, в отечественной литературе называется *племенными союзами*. Обычно различают *простые* и *сложные (высшие) вождества*. На первом этапе малые племена¹¹, состоящие обычно из объединений нескольких соседних, родственных по происхождению, а следовательно, по быту и языку, родов, объединяются в некую более крупную общность с признанием над собой власти вышестоящего в иерархии верховного вождя. Высшее вождество – уже более целостное образование с формирующимися дополнительными структурами управления.

Создание высших вождеств не обязательно завершается инкорпорированием простых вождеств (малых племен) в новую общность. Высшие вождества могут и разрушаться. Карнейро иллюстрирует это американским материалом [16, с. 92-93]. Можно указать и на судьбу “державы Само”, существовавшей в первой половине VII в. в Среднем Подунавье, распавшейся после смерти ее предводителя.

Соотнося традиционные представления о племенных союзах с выше рассмотренными теориями политогенеза, изучавший становление древнерусской государственности В.Р. Пузанов выделил “3 уровня (стадии) интеграции: 1) военный союз “племенных союзов” с целью противодействия общей внешней опасности; 2) объединение двух и более “племенных союзов” под эгидой сильнейшего, который представлял по отношению к ним зародыш публичной власти (зависимость устанавливалась, в основном, силовым путем, выражалась в уплате дани, порядок управления в подчиненных объединениях оставался прежним); 3) ликвидация местных институтов власти и замена их наместниками, посылаемыми из господствующего “племенного союза”. Достижение 3-го уровня интеграции предполагает далеко зашедший процесс распада родоплеменных отношений, известную степень деструкции родоплеменной обособленности и начальную стадию формирования системы территориальной организации общества, извест-

⁹ Потестарное – от лат. potestas – власть. Термин не совсем точный. Ведь отношения власти существуют не только в первобытности, а во всех стадийных типах общества. В 1979 г. Л.Е. Куббель предложил называть политическую антропологию термином “потестарно-политическая этнография”, а спустя десять лет им была написана первая (и пока, в сущности, единственная обобщающая) книга на русском языке на данную тему [17; 22, с. 5].

¹⁰ В настоящее время это понятие, введенное Аристотелем как название формы власти в Афинах, чаще используется для обозначения любой политической единицы.

¹¹ О малых племенах по археологическим материалам Восточной и Центральной Европы [24, с. 33-35].

ный отрыв публичной власти от основной массы населения и наличие аппарата принуждения (прежде всего, по отношению к подчиненным “племенным союзам”). Поэтому в образованиях данного типа уже просматриваются основные контуры ранней государственности” [25]. Отсутствие резкой грани между договорными формами и государством в политической антропологии констатировал и другой исследователь древнерусской истории – Е.А. Шинаков [26, с. 20].

Итак, следующий этап – государственная организация. Каковы внутренние движущие силы ее возникновения? Именно они делали устойчивыми происходившие в вождествах процессы общественной консолидации и постепенное создание стабильных иерархических структур. Внешние силы, прежде всего войны, способствовали этой консолидации. Но если не было внутренних “скрепов”, с исчезновением внешней опасности, то смерть лидера, что произошло с упомянутым выше объединением Само в 658 г., привела к ликвидации этого надплеменного сообщества.

Если же исходить из того, что “самые ранние государства возникли по внутренним причинам, то встает вопрос: почему люди, живущие сравнительно независимой жизнью, без институтов принуждения и эксплуатации, приняли навязанную им эксплуатацию и принуждение?” [27, с. 130]. Здесь, думается, Э. Саутхолл упростил ситуацию¹². Независимости в первобытной жизни не было – выживание требовало коллективных усилий, что создавало и сохраняло как родовые коллективы, так и их ассоциации – малые племена. В этих же коллективах изначально существовала определенная субординация, а значит, система подчинения.

Впрочем, как уже отмечалось, определенная *иерархия*, основанная на разделении функций и *субординации*, существует уже в животном мире, причем даже у насекомых (вспомним муравьев). Известна она у обезьян, в том числе, очевидно, была и в самих ранних человеческих коллективах. Есть *вожаки*, есть их приближенные, так сказать *ближний круг*, есть остальные – массы, *народ*. Вождя определяет по природным данным: сила и порождаемая ею наглость, а также, естественно, природная сообразительность, которая, как известно, встречается и у высокоорганизованных млекопитающих. Таким образом, иерархичность в самых примитивных коллективах – стадах – имеет природное, естественное происхождение и, очевидно, закреплялась в ходе эволюции лучшей выживаемостью и распространением тех сообществ, в которых вырастали наиболее успешные лидеры. Естественно, таковых в каждом коллективе не должно было быть много. Иначе – раздрай...

Люди естественным путем унаследовали соответствующую организацию из живой природы. Но для человеческих коллективов, где действовали не только инстинкты и рефлексы, наследованные и приобретенные, существует и интеллектуальное, мыслительное начало. То есть в человеческих сообществах формировался социум, который наследовал от тех же стад приматов природное, биологическое неравенство, принимавшееся как данность. И, соответственно, такое социальное неравенство можно считать естественным¹³, основанным не на осмысленном выборе, а на все том же рефлекторном и эволюционно обусловленном поведении.

¹² Классен заметил, что вопрос Саутхолла сформулирован не очень удачно. У первобытных людей не было выбора: “социально-политические феномены возникали как непредвиденные следствия предшествующего выбора и ранее принятых решений, большинство из которых были неизбежными ответами на большие или меньшие изменения в образе жизни людей” [28, с. 10]. Кратко это укладывается в известную формулировку А. Тойнби – *ответ на вызовы*.

¹³ Ср.: естественное право.

Среди современных антропологов бытует мнение, что социальные связи устанавливались с возникновением регулярного обмена, первым объектом которого стали женщины [29, с. 96]. Исходя же из вышеизложенных соображений, можно полагать, что социальные связи накладывались на уже имевшиеся стереотипы поведения, среди которых и были патриархальные инстинкты, основанные на роли самцов у высокоорганизованных млекопитающих¹⁴.

Представляется, однако, что обмен начинался не с этого и имел, надо думать, биологическую, физиологическую причину. Прямохождение, выделившее *Homo erectus* из других приматов усложнило процесс производства потомства: через сужившиеся тазовые кости мог пройти лишь неполностью сформировавшийся младенец, что породило необходимость его длительного выхаживания и зависимость самки от партнера. Так начали устанавливаться более прочные, чем у животных, семейные связи. Они и потребовали социализации, т.е. формирования отношений, основанных не на инстинктах, а на необходимости взаимопомощи, поддержки и *того самого обмена продуктами*. Таким образом, «очеловечивание» началось с создания относительно прочных брачных пар – прообраза семей. В них и стали аккумулироваться необходимые им продукты, что положило начало формированию представлений о собственности внутри рода. Обмен же женщинами – следующий этап социальных процессов, возникавший уже после формирования брачных пар, очевидно, по причине необходимости продолжения рода при возникновении половозрастного деления и межродовых контактов. Впрочем, это особая тема. В нашем же случае важно констатировать этап возникновения обмена, сопровождавший и формированием представлений об индивидуальной собственности, которая в итоге стала аккумулироваться выделявшимися лидерами не только для престижного обмена, но и для закрепления достигнутого статуса за своими наследниками – детьми и их матерями, что и породило зарождение института частной собственности¹⁵.

Саутхолл, вслед за М. Годелье, считает, что в первобытных обществах господство и эксплуатация возникали постепенно и воспринимались как обмен за услуги лидеров, в том числе и за гарантию безопасности, и за защиту от сил высшего порядка. Последнее вело к сакрализации роли старейшин, в подчинении которым люди не видели угнетения [27, с. 130-131]. Здесь можно добавить, что такое изначальное подчинение воспринималось как естественное, ибо иных форм существования тогда не было, поэтому и не могло рассматриваться как неравенство в нашем понимании. Следовательно к данному явлению лучше применить термин *субординация*.

Таким образом, социальное неравенство не являлось продуктом человеческого развития, и уж тем более не было следствием возникновения неравенства

¹⁴ В литературе встречается мнение о *придуманности* распространенных представлений о существовании особого исторического периода – *матриархата* – времени господства женщин. Вероятно, материнский род был таковым лишь по отсчету родства и по статусу прародительницы. Во главе же коллективов все равно были мужчины...

¹⁵ Иными словами, не собственность породила семью (как утверждали Л. Морган и Ф. Энгельс), а семья привела к собственности [30]. Это доказывает и появление полигамии среди наиболее знатных и, следовательно, обеспеченных мужчин, что произошло при переходе к оседлости. Но многоженство не распространилось, так как при создании ранних государств кланы, основанные на полигамии, препятствовали самой идее государственности, то есть объединению вокруг одного правящего рода не на родственных, а на служебных обязанностях.

имущественного, а предшествовало ему, причем изначально в человеческой истории¹⁶. Поскольку *такое* социальное неравенство осознавалось как естественное и поначалу, очевидно, не сопровождалось имущественным расслоением, последнее, когда оно появилось, стало восприниматься как нарушение привычных, традиционных норм и обычаев. Судя по многочисленным историческим и этнографическим сведениям, первоначально вожди если и концентрировали какое-то богатство, то должны были определенным способом его раздавать остальным членам возглавляемого ими коллектива в виде религиозного ритуала, пира, взносов, раздач¹⁷ и т.п. Как заметил А.И. Першиц, “внутриобщинной эксплуатации непосредственно предшествовал порядок, названный К. Поланьи редистрибуцией и состоявший в передаче части произведенного общинниками избыточного продукта в распоряжение вождей на различные общественные нужды, в том числе на содержание самих этих вождей. С усилением роли последних расширялись возможности как для злоупотребления общинными фондами, так и для постепенного увеличения доли вождей, все более превышавшей их непосредственные потребности. Одновременно зарождались и развивались права вождей на общинные земли и их власть над общинниками” [31, с. 26; 32, р. 9, 13, 153; 33, с. 15]. Соглашаясь с таким порядком, “простые люди” постепенно и сами привыкали к подчинению, т.е. создавали соответствующую традицию, и формировали у своих лидеров представление об их избранности, о праве на особые функции и место в обществе.

В итоге *естественное* социальное неравенство постепенно, с ростом опыта и организованности лидеров и их окружения, особенно в условиях столкновений с соседями, перерастало в имущественное. Причем именно те общества, в которых это происходило раньше, стали развиваться в ранние государства и даже империи. Иные, с патриархальным имущественным равенством, при котором накопленное через действовавших по обычаям вождей распределялось на всех, отеснялись на обочину истории. Происходил, так сказать, естественный эволюционный отбор, не прекратившийся и теперь¹⁸.

Собственность, переходя по наследству, стала концентрироваться в семьях лидеров. Так социальное неравенство стало дополняться имущественным. Формируется потомственная знать, отделявшаяся от рядового населения по мере усложнения условий жизни, что стало характерно при переходе к оседлости, особенно с началом освоения премудростей металлургии. Именно тогда, в наиболее благоприятных географических условиях, при концентрации соответствующих ресурсов в долинах Нила и в Месопотамии начинается переход к более сложной организации, не кланово-семейной, а к вождеству, затем и к государству. Владение и властью, и собственностью формирует сакральный образ вождя, что еще в большей степени возвышает и его самого, и его клан. Сакральность, в свою очередь, закрепляет и права на собственность, освящая ее. Имея в

¹⁶ Следовательно, левые идеи о первобытном равенстве, которое надо вернуть и восстановить изначально справедливость, основаны на ложной посылке и потому утопичны.

¹⁷ Как в Древней Греции (литургии) и Риме (муниципальные обязанности), что, кстати, позволяет некоторым исследователям не считать их на ранних стадиях подлинными государствами.

¹⁸ Если провалы попыток разных *коммунаров* в истории (те же табориты, анабаптисты, исмаилиты и др.) еще можно объяснить объединением против них богатых и власть имущих, то каковы “достижения” современных распределительных экономик типа Северной Кореи, Кубы, да и СССР? Вспомним, как богатели выросшие в средневековой Европе на идеях равенства францисканцы и тамплиеры и, в конце концов, все христианские церкви, а в странах советской системы – *номенклатура* [34].

виду восточные традиции, Л.С. Васильев подчеркивает подчиненность собственности правам власти [29, с. 98-101]. То есть на Востоке сакральной становится не собственность вообще, а только принадлежавшая правителям, которые, тем самым, становятся собственниками всего, чем управляют, в том числе и возникшими государствами.

Итак, изначальное, естественное социальное неравенство на определенном этапе перерастало в имущественное, что непосредственно было связано с генезисом государственности. Развитие института редистрибуции, закрепление за выделенными “лучшими людьми” (знатью) и власти, и права распоряжаться общей собственностью постепенно привели к накоплению у знати ресурсов для принуждения. Его можно было осуществлять как косвенно – через возможность оказания дополнительной помощи нуждающимся общинникам, так и напрямую – с помощью формировавшегося вокруг правителей окружения – дружинников¹⁹. Последние, кстати, возникали не только из-за военных столкновений и грабежей чужаков, но и благодаря все тому же перераспределению части общего продукта. Так появился один из существенных элементов государственности – управление населением за его счет, но в интересах правящей верхушки, т.е. угнетения. Ведь слаб человек. Знатный, имея власть, даже при личной порядочности и нестяжательстве (таким людям порой достаточно самой возможности управлять) окружен и родственниками, и помощниками (теми же дружинниками), интересы которых тоже надо учитывать. Аппетит же приходит, как известно, во время еды. К тому же, и это принципиально важно, за счет накопления собственности властные кланы становятся наследственными. Сначала, как отмечалось, это происходило естественным путем: рядовое население добровольно отдавалось под начало лучших и даже соглашалось на то, чтобы звания вождей передавались их детям, как лучше подготовленным²⁰. Но ведь дети вождей не обязательно наследовали их положительные качества, а значит, могли и не иметь соответствующего авторитета. А привычки распоряжаться общим продуктом уже стали традицией, т.е. нормой. И незаметно добровольное подчинение превратилось в угнетение. Так “простые люди непременно способствовали медленному росту государства вокруг них и над ними до тех пор, пока уже не осталось ни возможности, ни выбора, ни сил, чтобы его отвергнуть” [27, с. 231]. Власть сублимировалась в собственность.

Вообще, “власть существует как отношение между людьми: теми, кто доминирует, и теми, кто позволяет над собой доминировать” [35, с. 317]. Отсюда вполне логична и такая точка зрения, навеянная современной постсоветской действительностью: “Власть родилась от вымогателя, ныне называемого красивым словом рекетир... Со временем власть стала самостоятельной и необходимой общественной функцией, а с появлением государств обрела сакральность. Народ уже не тяготился властью, то есть рекетиром, а уповал на нее. Власть стала необходимостью” [36]²¹.

При формировании собственности происходило и обособление, и укрепление власти как основы будущего государственного устройства. Процесс этот начался с возникновением оседлого земледельческого населения в неолите, но растянулся вследствие крайне медленного хозяйственного прогресса на несколько тысячелетий – до развитого бронзового века на Ближнем и Среднем Востоке

¹⁹ Вспомним Тацита: “никому не зазорно состоять их [вождей] дружинниками” [33].

²⁰ “Выдающаяся знатность и значительные заслуги предков даже еще совсем юным доставляют достоинство вождя” [33].

²¹ Турецкая поговорка: “Власть – это кормушка, и тот, кто от нее не кормится, – свинья”.

(конец III – II тыс. до н.э.), до начала и даже середины железного века в Средиземноморье, на Дальнем Востоке и в варварской Европе (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Пиотровекий, М.** Интервью / М. Пиотровский // Новое время. – 2005. – № 1–2.
2. **Классен, Х.Дж.М.** Было ли неизбежным появление государства? / Х.Дж.М. Классен // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006. – С. 71–84.
3. **Коротаев, А.В.** Племя как форма социально-политической организации сложных неперевыбитных обществ (в основном по материалам Северо-Восточного Йемена) / А.В. Коротаев // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 265–291.
4. **Карнейро, Л.** Теория происхождения государства / Л. Карнейро // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006. – С. 55–70.
5. **Влит, ван дер Э.Ч.Л.** Полис: проблема государственности / Э.Ч.Л. ван дер Влит // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006. – С. 387–412.
6. **Коротаев, А.В.** Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) / А.В. Коротаев, Н.Н. Крадин, В.А. Лынша // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 24–83.
7. **Захаров, А.О.** Проблема понятия государства на традиционном Востоке в отечественной историографии (теоретические размышления) / А.О. Захаров // Восток. – 2005. – № 6. – С. 5–21.
8. **Якобсон, В.А.** Государство как социальная организация (теоретические проблемы) / В.А. Якобсон // Восток (Oriens). – 1997. – № 1.
9. **Гринин, Л.Е.** Государство и исторический процесс / Л.Е. Гринин. – М., 2007. – Т. 1.
10. **Бондаренко, Д.М.** Альтернативы социальной эволюции / Д.М. Бондаренко, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006. – С. 15–36.
11. **Коротаев, А.В.** Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции / А.В. Коротаев. – М., 2003. – С. 5–10.
12. **Миницкий, Н.И.** Методы построения научного и образовательного исторического знания : автореф. дисс. ... доктора исторических наук. – М., 2007.
13. **Гринин, Л.Е.** Раннее государство и его аналоги / Л.Е. Гринин // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006а. – С. 85–163.
14. **Гринин, Л.Е.** От раннего к развитому государству / Л.Е. Гринин // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006. – С. 523–556.
15. **Wittfogel, К.А.** Oriental Despotism / К.А. Wittfogel. Yale university Press. – Massachusetts, 1957.
16. **Карнейро, Л.** Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства / Л. Карнейро // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 84–95.
17. **Куббель, Л.Е.** Очерки потестарно-политической этнографии / Л.Е. Крадин. – М., 1988.
18. **Думанов, Х.М.** Правовое сознание. К уточнению понятия “обычное право” / Х.М. Думанов, Я.С. Смирнова // Восток. – 2000. – № 1. – С. 32–39.
19. Духовная культура Китая: энциклопедия. – М., 2006. – Т. 1 : Философия.
20. **Кульпин, Э.С.** Восток. Человек и природа на Дальнем Востоке / Э.С. Кульпин // Серия “Социоестественная история”. – Вып. XII. – М., 1999.
21. **Гринин, Л.Е.** Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации / Л.Е. Гринин // Философия и общество. – 2005. – № 4. – С. 5–29.
22. **Крадин, Н.Н.** Политическая антропология [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа : <http://lib.rus.ec/b/187525/read>. – Дата доступа : 9.01.2012.
23. **Холл, Т.Д.** Монголы в мир-системной истории / Т.Д. Холл // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. – Волгоград, 2006. – С. 442–467.
24. **Риер, Я.Г.** Сельское общество Могилевского Поднепровья X – XIII вв. по археологическим данным / Я.Г. Риер. – Могилев, 2010.
25. **Пузанов, В.В.** Становление древнерусской государственности: социально-политические и этнокультурные трансформации общества в контексте восприятия современников (VIII – начало XII в.) : дисс. ... доктора ист. наук. – Ижевск, 2009. – <http://www.dissercat.com/content/stanovlenie-drevnerusskoi-gosudarstvennosti-sotsialno-politicheskie-i-etnokulturnye-transfor>

26. *Шинаков, Е.А.* Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект / Е.А. Шинаков. – М., 2009.
27. *Саутхолл, Э.* О возникновении государств / Э. Саутхолл // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 130–136.
28. *Классен, Х.Дж.М.* Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма / Х.Дж.М. Классен // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 6–23.
29. *Васильев, Л.С.* Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) / Л.С. Васильев // Альтернативные пути к цивилизации. – М., 2000. – С. 96–114.
30. *Херлихи, Д.* Биология и история: к постановке проблемы / Д. Херлихи // Цивилизация. – М., 1993. – Вып. 2.
31. *Першиц, А.И.* У истоков эксплуатации / А.И. Першиц // Восток. – 2005. – № 1. – С. 25–29.
32. Primitive, Archaic, and Modern Economics // Essays of K. Polanyi. – New York. 1968.
33. *Тацит, Корнелий.* Сочинения в двух томах / Корнелий Тацит. – Т. 1 : Анналы. Малые произведения. – Л., 1969.
34. *Восленский, М.* Номенклатура / М. Восленский. – М., 2005.
35. *Бойцов, М.А.* Архиепископ Трирский объезжает свои владения / М.А. Бойцов // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. – М., 2004. – С. 317–359.
36. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.echo.msk.ru/blog/spb_msk/885409-echo/. – Дата доступа : 5.05.2012.
37. *Дэвис, Н.* История Европы / Н. Дэвис. – М., 2006.

Поступила в редакцию 12.02.2013 г.